

Central Asia

Monitor

ANALYSIS OF THE CURRENT SITUATION IN CENTRAL ASIA

"Аз и Я" и уроки истории: Олжас Сулейменов: "Отрицая все прошлое, мы теряем что-то важное"

Точкой отсчета в этом интервью с неизбежностью должен был стать 1975 год, когда вышла книга "Аз и Я" Олжаса Сулейменова, потому что сегодня с автором беседует первый редактор этой книги. И разговор начался, естественно, с вопроса: сегодня, десятилетия спустя, как вы, Олжас Омарович, оцениваете и книгу, и ту ситуацию, в которой мы оказались после ее выхода в свет?

ПАРАДОКСЫ ПУНКТИРНОЙ ЛИНИИ

- Сейчас я отношусь к этой книге ровно, как и ко всем моим книгам, которые остались в XX веке, отношусь как к данности: да, это было. Но тогда... Я имею в виду годы 1975, 1976-й и так далее – они стали для меня как автора этой книги временем особого напряжения и, по-своему, особого подъема. Сейчас, оглядываясь на то время, я понимаю: когда на книгу обращено такое внимание, это свидетельствует о том, что в целом она для того периода стала очень заметным явлением культуры и политики...

- Советского Союза?

- Нет – значительно шире. Советский Союз не был ограничен, он был раздражающим фактором мира, разделенного пополам. И вдруг какая-то книга становится участницей этого то ли противостояния, то ли взаимодействия в глобальном смысле. Такая уж досталась участь моей книге. Потому что она выступила против той ограниченности восприятия истории, которая сложилась у нас тогда. История – это линия непрерывная, которая соединяет прошлое с настоящим. А в советское время у нас сложилась пунктирная линия, потому что глашатаи каждого периода XX века отрицали предыдущее. Ленин и Сталин отрицали царское время, хотя сами создали мощную империю; Хрущев начисто отрицал все сталинское, в том числе и все достижения того времени, акцентируя внимание лишь на страшных чертах сталинизма. Брежнев пришел, отрицая Хрущева. Десять, ничего толкового не было при Хрущеве. Горбачев пришел, отрицая брежневский застой, хотя мы все выросли во времена этого самого застоя. И вообще культура, по-моему, расцветает только во времена такого застоя, а не во времена переломов, перестроек, революционных изменений. Культура нуждается в стабильности, как хлеб – в черноземе. Что-то, конечно, и в песках может вырасти. Но не золотая пшеница. Стихи не сочиняются на бегу, когда бежишь неизвестно куда.

- То есть в застое был какой-то позитив, если он помогал развитию культуры?

- Если только поменять сам негативный термин “застой”, который означает заторможенность, остановку. В чем эти явления проявлялись, если выходили великие фильмы и даже невеликие советские картины собирали полные залы и окупались? Я был председателем Госкино республики и помню, что мы ежегодно продавали 250 миллионов билетов в кинотеатры. Даже если они стоили 30 копеек, добывали до 70 миллионов рублей. А на производство картин “Казахфильму” требовалось всего 25 миллионов. И прекрасные фильмы снимались – “Кыз Жибек”, “Серый лютый”, “Конец атамана”; они шли по всему СССР и за рубежом.

А песни какие звучали! Они и сегодня – лучшие. Одна из них ныне стала гимном. И техника развивалась, и наука. Книги моих стихов выходили двухсоттысячными тиражами. Даже толстый литературный журнал “Жулдыз” имел тираж, помню, 140 тысяч ежемесячно.

1970-е были самым спокойным, сытым и плодотворным десятилетием за весь двадцатый век! Об этом наконец надо сказать и узнать, почему? – чтобы использовать узнанное в будущем.

Все 1980-е – это уже не застой, а сплошное движение. По неровной почве, спотыкание, вывихи, переломы. Поиски новых путей вместо того, чтобы отладить прежний, натоптанный. Республики разошлись, и все ли в 1990-е нашли дорогу лучше той общей, что была прежде?

Огульно отрицая прошлое, мы утрачиваем что-то важное, необходимое для настоящего и будущего. А то получалось, что каждый новый строй разрушал предшествующий рельеф, даже горы, чтобы начинать с нуля. Поэтому “настоящая история” у нас начиналась снова и снова только с новых дат.

ДИВЕРСИЯ ВЕКА

- Моя книга как раз и предлагала посмотреть на прошлое как на непрерывную линию, как на кровеносный сосуд, который нельзя прерывать. Она говорила в частности о том, что на Руси возможно было русско-кыпчакское двуязычие. Это видно на примере “Слова о полку Игореве”, которое писалось, как я считаю, для двуязычного читателя...

- ... и писалась двуязычным автором?

- Вероятно. А в XIX веке, когда эта книга “всплыла” из истории, ее прочли моноязычные исследователи, поэтому они многого в ней не поняли, напридумывали всякие забавные, а порой чудовищные толкования темных мест в тексте, против чего я и выступал. Я был, может быть, единственным двуязычным читателем, который очутился на пути этой книги. Понятно, что моноязычные академики мое прочтение не могли воспринять хорошо. Более

того, они нашли в моих суждениях и другие отступления от традиции в целом.

- В их глазах это выглядело как диверсия!

- Вот именно, как диверсия против устоявшейся идеологии. Тем более что случилось это сразу после шума, вызванного выдворением Солженицына из страны в 1973-м. А в 1975-м выходит книга Сулейменова. Стоила она 74 копейки, но из-под полы ее можно было купить, заплатив значительно дороже. Один скромный человек в Дагестане предлагал мне продать ему весь тираж, все, что есть у меня, по тысяче рублей за экземпляр. За “Архипелаг ГУЛАГ” таких денег не предлагали.

- Меня поразила реакция на книгу со стороны Лихачева, он казался мне человеком более широких взглядов...

- Конечно, он был мыслитель крупного масштаба, но кроме того он был еще и просто человек. Я в своей книге покритиковал его труды, на которые он жизнь положил. Естественно, он написал о заблуждениях Олжаса Сулейменова с высоты своего академического титула. И даже Лев Николаевич Гумилев, которого я считаю своим учителем, потому что начал интересоваться тюркологией после прочтения его книги “Древние тюрки”, – даже он обиделся, поскольку я ни разу не упомянул его в своей книге. Это я почувствовал по его ответам интервьюерам. “Комсомолка” у него спрашивала, как он относится к книге Олжаса Сулейменова. “Я отрицательно отношусь к этой книге, – сказал он. – Но я не выступлю против него, потому что с его отцом я сидел в одной камере”. Гумилевский материал стоял как бы в стороне от “Слова...”, его интересовала жизнь древних тюрков до встреч со славянами, поэтому я его и не упомянул. О чем жалею. Недавно отметили столетие Учителя.

У ИСТОКОВ ГУЛАГА

- Вы только что вскользь упомянули о своем отце. Кто он был по специальности? Как сложилась его судьба?

- Он был военный. Служил в казахском кавалерийском полку, который стоял в Алматы, в Малой станице, на улице Крепостной – там находилась крепость, где случился мятеж, описанный Фурмановым. А мы жили рядом с крепостью, на улице Крепостной, в доме номер 10. Там я и появился на свет в мае 1936-го. Отец должен был поехать в командировку в Ташкент, в ТуркВО, но отпросился на время, потому что я должен был родиться. Так что я фактом своего рождения немного продлил ему свободу. А потом, через месяц, мать моя с дедом поехали в Ташкент выяснять, где он и что с ним. Им сказали: нет, не приезжал, не знаем. Вернулись, пошли в полк, в штаб. Нет полка, он расформирован. Потом, анализируя все, я понял, что это было.

Одна неизвестная страница сталинизма: Сталин готовил 37-й год и для начала уничтожил национальные воинские части во всех республиках. Части распустил, офицеров арестовал, кого посадил, кого расстрелял, чтобы в 37-м году уничтожить интеллигенцию без страха и упрека. Отец исчез, даже фотографий его нет. В 1936-м еще не было процессов, это не оглашалось, делалось тихо. Процессы будут чуть позже. Все было рассчитано заранее.

КЛЯКСА В СВЯЩЕННОМ ПИСАНИИ

- Вернемся к “Аз и Я”. Вашим наставником в истории языкознания был профессор Хайрулла Махмудов...

- О да! Хайрулла Хабибулович. Или профессор Хаха, как звали его студенты. Он был одним из лучших славистов в Средней Азии. Это он вручил мне такую, например, интересную деталь. Монахи исключительно бережно копировали Священное писание. И если предыдущий переписчик поставил кляксу, то во всех следующих копиях клякса будет повторяться. Эта деталь меня поразила, потому что подчеркивала, насколько они и впрямь трепетно относились к оригиналу. А в светской литературе, в текстах, подобных “Слову о полку Игореве”, они уже были не просто копиисты и переписчики, а редактора, и незнакомое тюркское слово переводили на русский так, как считали нужным и как они понимали его. Некоторые тюркские слова они оставляли в тексте, зная, что в современном русском языке слова эти есть. Через век или два слова эти устаревали, и тогда переписчики следующих поколений, которые уже не знали тюркских языков, вынуждены были прибегать к толкованиям. “Сеурим – кргат под саблями половецкими”. Текст на слова не был разделен. Сплошную строку разбивали по своему разумению: “Се у Рим кричат под саблями половецкими”. Выходит, доскакали половцы аж до Рима. А человек, который знал тюркский язык, понимал, что “урим” – это коса девичья. Половцы в ответ на нашествие Игоря наскочили на города Киевской Руси. Поэт и написал, что они отрубали косы у девушек, то есть бесчестили их. Это сейчас стригутся коротко, а в то время честная девушка должна была быть обязательно с косой. А исследователи рассудили: если до Рима на Апеннинах половцам было не доскакать, то, возможно, есть поселение Рим в окрестностях Киева? Искали на полном серьезе.

- А вашу книгу “Аз и Я” профессор Х.Х. Махмудов прочитал? Какова была его оценка?

- Наверняка прочитал, впрямую об этом я с ним не разговаривал. Помню разговор с ним, когда еще до книги публиковал в “Просторе” свои материалы по “Слову...”, и он предложил, чтобы я защитил кандидатскую. Я даже начал писать ее. Он прочитал первый вариант и говорит: вот здесь надо ссылку

положительную на Рыбакова, вот здесь на Лихачева и т.д. Я говорю: какая положительная ссылка, если я спорю с ними. А он гнет свое, пиши: “как правильно заметил Рыбаков”, “как прозорливо отметил Лихачев” и т.п. Я такое не могу написать. “Тогда не защитишься”. Говорю ему: не собираюсь от них защищаться – для науки, может быть, нужнее, чтобы я напал на них. И наш разговор на эту тему закончился.

ЯЗЫКОЗНАНИЕ ПО-КРЕМЛЕВСКИ

- А вот такой “языковед”, как секретарь ЦК КПСС по идеологии Суслов, ведь он был одним из яростных оппонентов этой книги...

- Может быть, сам он и не читал книгу, но со слов своих помощников составил определенное мнение о ней. А среди этих помощников были и академики. Тот же Борис Александрович Рыбаков – автор целой книги о “Слове... “.

- Но Брежнев-то вроде бы полистал “Аз и Я” и не заметил там ничего крамольного...

- Это Кунаев попросил его посмотреть книгу. Назревало совещание трех отделов ЦК: культуры, пропаганды и науки, которые должны были обсудить, осудить и вынести постановление ЦК КПСС. Это было бы второе подобное постановление после 1948 года (первое – по Зощенко и Ахматовой), что очень сильно ударило бы по республике, которую называли лабораторией дружбы народов. И тогда Кунаев, спасая, может быть, даже не автора, а республику, обратился к Брежневу, дал ему книгу, объяснил ситуацию и то, чем грядущее постановление грозит Казахстану. А нашу республику Брежнев всегда называл “мой Казахстан”: здесь у него началось вхождение в большую власть, и с Кунаевым он дружил. Поэтому, как он сказал Кунаеву, книгу он прочитал. Кунаев спросил его по телефону: “Есть там национализм, антисоветизм, сионизм?” Тот с солдатско-маршальской прямоотой ответил: “Ни хрена там этого нет”.

- И Суслов поутих?

- Нет. Но Кунаев тут же спросил Брежнева: можем ли мы ввести автора книги в состав нашего ЦК? Да вводите куда хотите! Кстати, подоспел и съезд ЦК Компартии Казахстана. В начале февраля 1976 года. По сложившейся традиции первый секретарь Союза писателей избирался членом ЦК. Второй – кандидатом в члены. Третий же никуда не выдвигался. А я как раз и был третьим секретарем. А вторым секретарем был Шерхан Муртаза, именно он, согласно положению, должен был стать кандидатом в члены ЦК. Он уже зарезал барана по этому поводу, мы все были приглашены обмыть это дело, а я представления не имел, как развернутся события. В общем, вместо Шерхана ввели в состав ЦК меня, он с тех пор со мной еле здороваются. Но

план Сулова уже пройти не мог, обсуждение книги перенесли в Академию наук СССР, а это уже не так опасно было для республики. 13 февраля 1976 года в Москве, на Волхонке, с 9 до 18-ти 47 академиков и членкоров обсуждали, осуждали. Книгу изъяли из продажи, из библиотек. Но лаборатория дружбы уцелела: постановления не случилось.

“ОЛЖАС, ОЛЖАС! ВЫХОДИ!..”

- Говорят, что ваша книга, которая вышла за 11 лет до декабрьских событий 1986 года, в известной мере подготовила суверенитет Казахстана. Кстати, какова была ваша позиция в декабре 1986-го?

- Для меня все это началось 3 декабря. Я тогда был в Москве и готовился к поездке в Италию. Меня пригласил помощник Кунаева в наше представительство и сказал, что шеф хочет поговорить со мной. Кунаев сообщил мне, что хочет уйти на пенсию (близилось его 75-летие). Это нормально, сказал я, вам дадут очередной орден Ленина, на четвертую Золотую звезду при Горбачеве рассчитывать не стоит, но добрые слова вслед вам скажут. И мне, говорю, хорошо, теперь я могу уйти из Союза писателей и заняться своими творческими делами, а то весь год в борьбе с Москвой и вашими заместителями в ЦК.

Горбачев избавлялся от стариков в Политбюро. Ему хотелось в Казахстане обновить руководство. Я тоже понимал, что это неизбежно, и по-своему даже правильно: нужно, чтобы пришли новые люди.

После этого разговора я в хорошем настроении вместе с Сергеем Владимировичем Михалковым поехал в Сицилию, где мы проводили писательскую конференцию. И вот на окраине Палермо смотрим мы фильм о похищении Альдо Моро, а район был не очень спокойный. Мне Михалков на ухо шепчет: если сейчас нас шлепнут, то в “Правде” появится ма-аленький некролог, петитом в несколько строк. Я его успокоил: некролог будет большой, в полполосы, а может быть, и целую полосу для вас не пожалеют, так что не переживайте и спокойно смотрите кино. И тут прямо в зале я получаю телеграмму из Союза писателей Москвы: срочно вылетай, состоится пленум ЦК.

- Сердце екнуло от предчувствия?

- Я удивился: пленум должен был пройти в январе. Почему такая спешка? Ну, я оставил Сергея Владимировича одного и на перекладных стал добираться по маршруту Палермо – Рим – Москва – Алма-Ата. 16 декабря в 10 часов утра был в ЦК. Уже избрали Колбина. Пленум шел всего 18 минут. Поторопились, и это была первая ошибка. Вторая – это то, что привезли человека из Ульяновска, будто своего не нашлось. И он был не готов, и общество наше тоже не было готово к этому. Телевизор-то больше года

заливал нам про свободу слова, демократию, волю народа. Все время показывали демонстрации молодежи. Правда, зарубежной молодежи. В итоге все это вылилось в движение протеста на Новой площади. Мне потом рассказывали: люди ходили по общежитиям: “Олжас будет выступать, пойдемте слушать, он объяснит ситуацию”. Меня не пропустили на площадь, я зашел в здание ЦК. Говорю, надо бы выступить. Нет, отвечают мне, они там сами разберутся.

В тот самый момент другая толпа подошла к Союзу писателей, скандируя: “Олжас, Олжас! Выходи!” А Олжас в это время в ЦК сидел. Потом был домашний арест, меня не выпускали из подъезда.

- Но вот ведь Мамбетова долбанули по голове саперной лопаткой?

- Там не было саперных лопаток, они появились в Тбилиси. А у нас были просто стальные прутья арматуры. В общем, не вовремя и неграмотно была проведена замена руководства. А если бы отметили юбилей в январе, проводили бы с почетом, все было бы тихо, мирно, без митинговых страстей и демонстраций. Но что-то там не срослось.

ЗАКОЛДОВАННОЕ ЧИСЛО

- А год назад в День Независимости, 16 декабря, грянули события в Жанаозене. Случайность?

- Число 16 декабря какое-то заколдованное. Ровно 50 лет назад 16 декабря я вышел на сцену Большого Кремлевского Дворца, открывал концерт мастеров искусств Казахстана. В Москве проходили дни нашей республики. Читаю стихи о дружбе России и Казахстана, предваряя концерт. И вижу, как по левой правительственной ложе идет Хрущев, опоздавший. Рядом с ним члены президиума ЦК: Ворошилов, Буденный, Суслов, Микоян и все остальные небожители. А справа в директорской ложе сидит одинокий Кунаев. Я зашел за кулисы, Ляйле Галимжановой, тогдашнему министру культуры, обрисовал это положение: почему он один, не с ними? Он не член президиума, ему не положено, дисциплина такая, отвечает она. Потом мы узнали, с чем было связано их опоздание на концерт. Они проводили заседание президиума, на котором отдали несколько хлопкосоющих районов Узбекистану, против чего категорически возражал Кунаев. Кунаева сняли с работы (он был первым секретарем ЦК Казахстана), назначили вместо него Юсупова. Уже тогда наложился негатив на эту дату. Потом было 16 декабря 1986 года – второй раз Кунаева снимают с работы, уже окончательно. После чего начинаются события на Новой площади. Потом случилось самое главное – 16 декабря 1991 года: подписание документа о независимости, Казахстан обретает права государственности. И в первые годы, когда речь заходила о 16 декабря, многие спрашивали: мы что – празднуем снятие Кунаева и отмечаем очередную годовщину декабря 1986-го? Такой вот

трагический оттенок ложится на праздник Независимости. Теперь трагизм добавился Жанаозеном в прошлом году. Потребуется много усилий, чтобы очистить дату от мрачного колорита.

- А можно было избежать трагедии Жанаозена?

- Надо было.

- Обыватель интересуется: почему не приехали в Жанаозен и не усмирили страсти Ермек Серкебаев, Бибигуль Толегенова, Олжас Сулейменов?

- А толку-то? Тут надо было принимать согласованные меры правительству и работодателям. Вспоминаю главный русский вопрос: что делать? И русский ответ на него: а хрен его знает!.. Ермек и Олжас точно не знали.

“НЕ СТОИТ СВЯЗЫВАТЬСЯ. ВДРУГ ЧТО-НИБУДЬ ВЫКИНЕТ”

- И снова – об “Аз и Я”. Там, помнится, назревали крутые меры по отношению к тем, кто имел к ней касательство?

- Мне показали проект постановления Бюро ЦК Компартии Казахстана, где были указаны меры наказания людей, допустивших выход книги. Должны были освободить от работы председателя Госкомиздата Шериаздана Елеукенова, директора издательства ” Жазушы” Абилямажина Жумабаева, заместителя редактора русской редакции издательства Геннадия Толмачева и поставить вопрос об их пребывании в рядах КПСС. С автором книги провести серьезную беседу о недопущении впредь таких публикаций.

Бюро должно было состояться на следующий день. Я всю ночь писал письмо Кунаеву и членам бюро. В сборнике “Избранного” в 1990 году часть этого письма была опубликована. Оригинал наверняка сохранился в архивах ЦК. Весь текст не помню. Писал, что со временем это письмо будет восприниматься как документ нечастного значения. Что всегда старался не допускать ситуаций, когда бы из-за меня могли пострадать другие люди. В уличных ситуациях готов был заплатить жизнью ради них. И сейчас готов. Поручкой тому единственная личная собственность – моя жизнь.

Рано утром отвез письмо в ЦК, оставил в приемной Кунаева, копии попросил передать членам Бюро.

Письмо сыграло свою роль. Им вынесли по выговору, но на работе оставили. И редактор книги, хоть он и не был номенклатурой ЦК, без работы не остался. Перешел в редакцию журнала “Простор”.

- Редакторам и других ваших книг доставалось.

- Да, после “Аз и Я” вышла книга стихов – “Определение берега”. Предисловие к ней написал выдающийся русский поэт Леонид Мартынов. Первая подборка моих стихов вышла в 1959 году в “Литературной газете” с его напутствием “Доброго пути”. С этой даты начинается стаж моей литературной деятельности.

(Продолжение на стр 3)

(Продолжение. Начало на 1-2 стр.)

В предисловии Леонид Николаевич неосмотрительно похвалил меня за копания в “Слове о полку Игореве”. Всего одна или две строчки. Если раньше Казахстан московскими читателями считался краем непуганой цензуры, то после всего этого мы стали краем цензуры перепуганной. Я помню этот день. Все работники полиграфкомбината были заняты непривычным делом: выдирали страницу из предисловия и вклеивали другую, уже без этих крамольных строк. А тираж сборника был немалый – сто тысяч экземпляров.

“МЫ ГДЕ-ТО ВСТРЕЧАЛИСЬ?”

- “Повторяя в полдень” – там больше переизданий, новых стихов не так много. Вы написали в общей сложности более 150 стихотворений, специалистами подсчитано. После “Аз и Я” стихи появлялись все реже и реже. Иссяк колодец?

- Во-первых, убедился в правоте Пушкина: “Года к суровой прозе клонят”. Стихи – это выплеск молодости, когда гормоны играют. Проза, научные исследования, политическая публицистика – это уже работа взрослеющего ума. Профессиональный литератор не может замыкаться в одном жанре. Но еще одно помешало мне сосредоточиться на поэзии. Еще на первом курсе Литинститута первую тетрадку стишков отнес на суд одному маститому поэту на дачу в Перedelкино. Он полистал и спросил: “У вас какая-нибудь профессия уже есть?” – “Имею диплом инженера-геолога”. – “Вот и занимайтесь геологией. А стихи оставьте писать нам”. Вот такое напутствие и заставило меня засесть за стихи. Через несколько месяцев Леонид Мартынов напечатал подборку в “Литгазете”. Потом первые книги появились, членство в Союзе писателей СССР. Когда мне говорят “это не твое дело”, я, если уверен, что смогу, делаю это своим делом. Через четыре года, а точнее 17 декабря 1962-го, Хрущев срочно собрал 300 представителей творческой интеллигенции в доме приемов на Ленинских горах, чтобы высказаться по поводу своего посещения художественной выставки на Манежной площади. И я оказался в их числе. Нас рассадили за большими длинными столами с легким вином и фруктами. Я оказался напротив того самого мастера, который послал меня далеко в геологию. Мы чокались, слушали Хрущева. Ели фрукты. Он всматривался в меня, пытаюсь вспомнить.

“Молодой человек, мы встречались с вами раньше?” Я говорю: “Встречались когда-то. В Литинституте. Я у вас занял 25 рублей. Искал возможность отдать”. “Да-да, я всегда молодым помогаю. И деньгами, и советом”. И я отдал ему долг, заплатил в благодарность за то, что он заставил меня научиться писать стихи. И такие уроки необходимы.

В 1964 году я посетил Вячеслава Иванова – специалиста по древним “ископаемым языкам”. Принес ему первые эззерсисы на тему “шумеры и тюрки”. Он почитал при мне, покивал большой, лобастой головой. “Хотите совет?” – “За этим и пришел”. – “У вас замечательные стихи. Последней книгой, которую прочел мой отец (писатель Всеволод Иванов – ред.) был ваш сборник “Солнечные ночи”. Он лежал на тумбочке возле его кровати, когда утром к нему в палату вошли. А шумеры и тюрки... Вы потратите годы, но ничего не добьетесь и никого не убедите. Пишите стихи”.

Шумерами и тюрками я занимаюсь до сих пор. Может, потому еще не бросил, что никто не верит, что получится толк. А я верю. И в новом году, наконец, надеюсь опубликовать первые результаты, которые пошлю в Лос-Анджелес профессору Вячеславу Всеволодовичу Иванову. Недавно получил от него письмо по электронке.

- Обычно все интервью с вами включали и такой вопрос: “Над какой книгой вы сейчас работаете?”. И вы традиционно отвечаете: “1001 слово”. Я посмотрел интервью и двадцатилетней давности, и недавние. Тот же вопрос и тот же ответ. Коротко: о чем эта вещь?

- Я теперь уверен, что наконец открыл код слова. Теперь могу узнать этимологию, то есть происхождение любого слова из любого языка. А это – генезис культов, культур, религий, цивилизаций. Потому что действительно “вначале было слово и слово было – Бог”.

ПОЭТ И ВЛАСТЬ

- Теперь самое время коснуться старинной темы “поэт и правитель”. Поясню переход. В современной евразийской стране на творческой судьбе писателя вашего масштаба обязательно должно было отразиться отношение главы государства. “Аз и Я” вышла при Кунаеве. Он помог избежать трудностей, неизбежных без властной поддержки. Это было важное произведение, представившее большой стране и миру возможности современной гуманитарной мысли. Но еще не главная книга автора. А вот “1001 слово”, судя по затаенности и длительности исполнения, и будет той самой главной книгой. И за нее, если она состоится, спасибо надо будет сказать не только автору, но и государству, создавшему все условия для ее написания. Я прав?

- Говори точнее – Нурсултану Назарбаеву. Отвечу прямо: да!

- Говорили, что ваш отъезд за рубеж в 1995-м был некоей почетной ссылкой...

- Ссылки мы привыкли ассоциировать с восточным направлением – Сибирь, Колыма. О ссылке в Италию, Грецию, на Мальту, где я был послом, и далее – в Париж, в ЮНЕСКО – можно было только мечтать. Потому что открывалась возможность работать в странах, где зарождалась европейская культура, а теперь убеждаюсь – мировая, потому что Средиземноморье было промежуточной прародиной человечества, некогда вышедшего из Африки и распространившегося из Средиземноморья дальше – на Восток и на Север. На Востоке – в Китае, Юго-Восточной Азии и далее – в Южной Америке не обнаружено ни одного памятника культуры, который оказался бы древнее тех, что были найдены в Европе. В мае 1996-го, выступая на моем юбилейном вечере в Оперном театре, Нурсултан Абишевич сказал: “Мы командировали Олжаса Сулейменова в Рим, чтобы он написал свою книгу “1001 слово”. Она всем нам нужна”.

Я благодарен за это государственное поручение и длительную командировку, которая, надеюсь, оправдается.

Мы привыкли к тому, что государства охотно инвестируют в фундаментальные науки – физику, математику, химию, обещающие укрепить оборону, технику, экономику. Гуманитарные науки в мире и особенно в СНГ лишены такого внимания. И в этой ситуации поддержка проекта “Новое языкознание” по-особому характеризует культурную и научную политику Казахстана. Достаточно сказать, кстати, что наш МИД финансирует такие глобальные проекты ЮНЕСКО, как “Великие переселения человечества в доистории и в ранней истории”, “Аль-Фараби и европейское возрождение” и другие.

За эти годы мне удалось издать несколько книг, подготавливающих “1001...”: “Язык письма”, “Тюрки в доистории”, “Улыбка бога”... А в будущем году надеюсь завершить или приблизить завершение главной книги, которая и обороне нашей идентичности послужит.

- Ваша оценка добавляет образу елбасы новые грани. Да, кстати, я вспоминаю интервью президента, данное им телеканалу “Россия”. Ведущий Сергей Брилев спросил Нурсултана Абишевича, что такое “елбасы” и как давно этот термин существует в языке? Привожу ответ почти дословно: “Мой друг Олжас Сулейменов говорит, что и древним грекам он был известен”.

- Я и вправду объяснил президенту этимологию этого термина. В древнетюркском : il basu – “страны глава”. В казахском – ел басы. Тюркская государственная культура еще в I тысячелетии до н.э. повлияла на греческую. В то время морфология сложного термина в тюркском была иной: bas-il-i –

“глава страны”. Греки не произносили шипящих и не знали смысла составляющих слов, поэтому в их языке получился лексический монолит: basili – “царь”. Отсюда имена – европейские Базиль, Василь и восточные Фазиль, Пазыл...

ХВАЛА И ХУЛА

- Хорошо известна политическая роль Назарбаева и перед распадом СССР, и тем более в годы суверенитета. Но все чаще раздаются голоса: нет ли у нас культа личности Назарбаева?

- В марте 1987 года на пленуме ЦК заговорили о культе личности Кунаева. Я выступил, сказал, что термин этот в нашем сознании навсегда сопряжен с репрессиями, лагерями, со многими тысячами людей, пострадавшими от произвола диктатора. В случае с Кунаевым мы ничего подобного не знаем, поэтому на него мундир Сталина надеть невозможно. И размеры не совпадают. Общество, конечно, должно следить за подобными явлениями, но и в случае Назарбаева оппонентам надо использовать более подходящую терминологию.

Человеку, который свыше двадцати лет во власти, знакомы и золотая тяжесть славы, и чугунное бремя ославления. Хвала и хула – близкородственные категории, часто вытекающие одна из другой. Когда кто-то возносит славу через край, он, по сути, человека ославляет. Людям публичным это явление хорошо знакомо, а уж таким, как Назарбаев, тем более.

Несомненно, Назарбаев – выдающийся политик, много сделавший и делающий для страны и мира. Но иные борзописцы могут своей безудержной хвалой нанести его международному имиджу больше вреда, чем даже оголтелая хула иных оппонентов, чья политическая неграмотность давно очевидна.

В 2000 году было опубликовано много прогнозов геополитического развития. В одних предрекали распад России на несколько самостоятельных республик. А кто-то говорил о том, что такая же участь, причем даже раньше, грозит Казахстану. Причины – громадная территория, богатые недра и малочисленное население, к тому же многоэтническое. Аккуратно расписано, кому из соседей что достанется.

Можно, конечно, отмахнуться: “придурок!” Но серьезный политик и этот листок положил бы в свою пухлую папку. Судя по действиям, которые предпринимал Назарбаев в течение двух десятков лет во внутренней и внешней политике, он знал об этом сценарии с начала 1990-х и вполне серьезно к нему отнесся.

Все интеграционные проекты, предложенные президентом, есть реакция именно на эти опасения. Прежде всего – Евразийский Союз, ШОС (Шанхайская организация сотрудничества)... И когда я читаю очередные нелепости относительно Евразийского Союза (“снова СССР...”, “империя...”), меня тянет опубликовать ту книжечку, чтобы до бандерлогов дошло.

Я стоял у истоков Республики Казахстан, многое увидел и передумал. Как историк, знаю, каким чудом получили мы право создать свою государственность. И не использовать этот необыкновенный шанс – преступление перед собственными детьми и внуками, которым надо увидеть елку 2050-го, заявленную в недавнем Послании. Мы уже понимаем, что отрицать все прошлое безрассудно. Но не увидеть главные достоинства и вызовы в настоящем столь же непродуктивно. Как и заранее отмахнуться от всего, что не сразу понятно нам в проектах будущего. Перед Новым годом и атеисту не грех вознести молитву – пожелание. Хочу, чтобы сохранилось, возросло и окрепло то, что мы построили. Мы создаем новое государство! В самом центре его возвели и утвердили прекрасную новую столицу, которая может стать столицей Союза взаимозависимых государств Евразии. Да будет так! Аминь.